

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ДОКТРИНАЛЬНОМУ ПОНИМАНИЮ ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ЧТО С НИМ НЕ ТАК?

С. Б. Россинский, *s.rossinskiy@gmail.com*

*Институт государства и права Российской академии наук,
г. Москва, Россия*

Аннотация. В статье рассматривается один из наиболее распространенных доктринальных подходов к пониманию уголовно-процессуального доказывания, предполагающий его отождествление с когнитивной деятельностью должностных лиц органов предварительного расследования, прокуроров, судей, других участников досудебного или судебного производства, то есть с познанием подлежащих установлению обстоятельств. Исходя из подчиненности сущности доказывания объективным законам и закономерностям психофизиологического взаимодействия людей с окружающей реальностью, учитывая преимущественную опосредованность свойственного уголовному судопроизводству познания, формулируется вывод о неполноценности данного подхода для использования в доктрине, правотворчестве и правоприменительной практике. Утверждается о недопустимости сведения доказывания лишь к набору познавательных приемов. В связи с этим обращается внимание на неприемлемость признания когнитивного подхода универсальным, всеобъемлющим, охватывающим все без исключения компоненты процесса доказывания. Одновременно говорится о приоритетности иного, так называемого интегративного подхода, предполагающего комплексный характер и сводящегося к включению в содержание уголовно-процессуального доказывания как познавательных (познавательно-удостоверительных) приемов, так и различных аргументационно-логических операций.

Ключевые слова: доказывание, подлежащие установлению обстоятельства, предмет доказывания, способы доказывания, субъекты доказывания, уголовно-процессуальное познание, цель доказывания.

Для цитирования: Россинский С. Б. Когнитивный подход к доктринальному пониманию доказывания в уголовном процессе: что с ним не так? // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2025. Т. 25, № 3. С. 18–26. DOI: 10.14529/law250303.

Original article
DOI: 10.14529/law250303

COGNITIVE APPROACH TO DOCTRINAL UNDERSTANDING THE EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS: WHAT'S WRONG WITH IT?

S. B. Rossinskiy, *s.rossinskiy@gmail.com*

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. The article examines one of the most common doctrinal approaches to understanding the criminal procedural evidence. This approach consists in identifying evidence with the cognitive activity of officials of preliminary investigation bodies, prosecutors, judges, and other participants in pre-trial or judicial proceedings, that is, with the cognition of circumstances to be established. The author takes into account the dependence of the essence of evidence on objective laws and patterns of psycho-physiological interaction of people with the surrounding reality. The author considers the predominant mediation of cognition, which is characteristic of criminal proceedings. The conclusion is formulated that this approach is not complete for use in doctrine, lawmaking and law enforcement practice. It is asserted that it is inadmissible to understand the evidence only as a set of cognitive techniques. In this regard, attention is drawn to the unacceptability of recognizing the cognitive approach as universal, comprehensive, covering all components of the evidence process without exception. At the same time, the priority of another, so-called integrative approach is discussed. This approach assumes a comprehensive nature, that is, the inclusion in the content of criminal procedural evidence of both cognitive (cognitive-verifying) techniques and various argumentative-logical operations.

Keywords: evidence, circumstances to be established, subject of evidence, methods of evidence, parties of evidence, criminal procedural knowledge, purpose of evidence.

For citation: Rossinskiy S. B. Cognitive approach to doctrinal understanding the evidence in criminal proceedings: what's wrong with it? *Bulletin of the South Ural State University. Series "Law"*. 2025. vol. 25. no. 3. pp. 18–26. (in Russ.) DOI: 10.14529/law250303.

Что такое уголовно-процессуальное доказывание? На первый взгляд, этот вопрос не должен вызывать никаких затруднений. По всей вероятности, любой судья, прокурор, адвокат, руководитель или сотрудник органа предварительного расследования, преподаватель уголовного процесса и даже намеревающийся работать в сфере уголовной юстиции студент юридического вуза, особо не раздумывая, сочтет свои представления о сущности доказывании в уголовном судопроизводстве вполне ясными, по крайней мере, достаточными для решения насущных задач. И уж тем более феномен доказывания вроде бы должен представляться очевидным ученым-процессуалистам и специалистам в смежных областях научного знания: криминалистике, судебной экспертиологии, гражданского и арбитражного процессов, теории административной юрисдикции и т.д.

Вместе с тем на поверку бытующие взгляды на доказывание оказываются достаточно примитивными. Представления об этом феномене, как правило, сводятся к банальным «шаблонам», например, к уразумению под ним урегулированной законом деятельности уполномоченных субъектов, направленной на установление имеющих значение для уголовных дел обстоятельств, либо к прямо постулированной в ст. 85 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ / Кодекс), хорошо известной, но при этом совершенно неудачной трехчленной формуле «собираание доказательств → проверка доказательств → оценка доказательств».

И только некоторые из специалистов способны дать более вдумчивые, глубокие, компетентные и, к слову, гораздо менее определенные ответы. И здесь нет ничего странного и удивительного – ввиду предопределенности имеющими «естественное» происхождение закономерностями восприятия и умственной генерации полезных сведений многолетние проблемы теории, нормативно-правового регулирования и практики уголовно-процессуального доказывания явно не предрасположены к быстрому и примитивному разреше-

нию. Напротив, несмотря на пристальное внимание ученых, невзирая на множество доктринальных исследований и соответствующих публикаций, практически ни один так или иначе связанный с доказыванием вопрос нельзя признать окончательно «закрытым», а обусловленные им дальнейшие научные поиски – бессмысленными. Подходы к разрешению подавляющего большинства существующих проблем по-прежнему не предполагают какого-либо единства и лишь приводят к новым и новым раундам дискуссий и полемических обсуждений.

Поэтому на сегодняшний день более или менее единодушного доктринального подхода к пониманию уголовно-процессуального доказывания и его роли в решении стоящих перед уголовной юстицией задач просто не существует! Вместо этого высказываются совершенно разные, в том числе прямо противоположные, как бы антитетичные по отношению друг к другу позиции. Причем один из самых известных подходов – так называемый когнитивный подход – к пониманию уголовно-процессуального доказывания сводится к его отождествлению с особой разновидностью познания окружающей реальности, то есть со специальной формой когниции неких имеющих значение для уголовного дела обстоятельств. Рассмотрению данного подхода, а также оценке его приемлемости для использования в доктрине, правотворчестве, правоприменительной практике и посвящается настоящая статья.

Итак, многие ученые понимали и продолжают понимать под доказыванием особую, подлежащую использованию для нужд уголовного судопроизводства вариацию когнитивной деятельности должностных лиц органов предварительного расследования, прокуроров, судей, присяжных заседателей, иногда – других участников уголовно-процессуальных правоотношений, то есть специфическую разновидность познания людьми определенных фрагментов окружающей реальности [3, с. 81; 14, с. 21 и др.]. Одновременно предлагались и продолжают предлагаться

критерии для отграничения доказывания от научного познания, бытового познания, иных областей применения людьми своих когнитивных способностей. Одним из таких критериев признавался и продолжает признаваться строго установленный законом процессуальный порядок доказывания [13, с. 5; 19, с. 6 и др.]. В частности, В. П. Божьев прямо писал о доказывании как о познавательной деятельности, подлежащей осуществлению не иначе как в точном соответствии с установленными законом дозволениями, предписаниями, запретами, то есть в обремененном правовой формой режиме [2, с. 81]. Другие критерии связывались и продолжают связываться с особой предметной областью доказывания, выраженной в строго определенном перечне подлежащих установлению обстоятельств [17, с 8–10], с опосредованностью их восприятия [10, с. 21–22] и т.д. Кстати, схожие взгляды можно встретить и в ряде научных монографий, статей, прочих литературных источников, посвященных доказыванию в гражданском судопроизводстве и производстве по делам об административных правонарушениях.

А в некоторых публикациях высказываются вполне рациональные тезисы, увязывающие особенности доказывания как специфической разновидности познавательной деятельности с обязательностью официального удостоверения ее результатов – с непременностью юридической фиксации получаемых предметов, документов, сведений в строго установленном законом порядке. Другими словами, уголовно-процессуальное доказывание, по сути, сводится к двум взаимосвязанным, но тем не менее относительно автономным фазисам работы соответствующих субъектов: когнитивному (познавательному) и удостоверительному. В частности А. Н. Копьева называла удостоверительную деятельность внешним выражением (формой) процессуального познания, считала ее непреложным атрибутом доказывания, тогда как незафиксированные должным образом сведения условно признавала «вещами в себе» [6, с. 12]. Достаточно близкую точку зрения занимали Л. Д. Кокорев и Н. П. Кузнецов, которые связывали необходимость официального удостоверения накапливаемых в ходе доказывания сведений с надобностью их преобразования в «знания для всех» и потребностью в обеспечении возможности их передачи другим участникам уголовного судопроизводства.

Авторы не без оснований оценивали удостоверительную фазу как способствующую обеспечению мотивированности судебных, следственных, прочих процессуальных актов и возможности полноценного участия в доказывании всех заинтересованных лиц [5, с. 7–8]. Эти же либо предполагающие вариативные оттенки позиции высказывались и продолжают высказываться целым рядом других ученых-процессуалистов.

Вместе с тем, несмотря на широкую распространенность, когнитивный подход к пониманию уголовно-процессуального доказывания никогда не являлся общепризнанным. Он разделялся и продолжает разделяться далеко не всеми учеными-процессуалистами. Взгляды целого ряда авторов основаны на иных доктринальных подходах.

Один из них – так называемый «альтернативный» подход – состоит в олицетворении доказывания не столько с познанием (познанием–удостоверением), сколько с процессуальной формой обоснования позиций сторон. Другими словами, под доказыванием понимается деятельность государственных обвинителей, защитников, обвиняемых (подозреваемых), их законных представителей, потерпевших (частных обвинителей), гражданских истцов, ответчиков, их представителей, сводящаяся к совокупности риторических приемов, к подбору и надлежащему доведению до субъектов принятия решений, в первую очередь до суда, веских логических доводов, направленных на аргументацию правильности собственных тезисов и ошибочности «контртезисов» процессуальных оппонентов. Подразумевается, что доказать какое-либо обстоятельство – значит убедить «сомневающегося» правоприменителя в его подлинности, заставить поверить в его существование, в неопровержимость подтверждающих его доводов и аргументов. И в этой связи проводится четкое размежевание познания и доказывания в зависимости от функциональной принадлежности соответствующих участников уголовного судопроизводства, то есть ввиду выполнения разных процессуальных функций: субъектами познания признаются суды (вариативно – должностные лица органов предварительного расследования), тогда как субъектами доказывания – различные участники со стороны обвинения и стороны защиты. Такие идеи высказывались еще в советский период развития теории доказывания и доказательственного

права [8, с. 33–35]. Вместе с тем «расцвет» подобного подхода к сущности доказывания все же начался после принятия в 2001 году действующего Кодекса, официально закрепившего пресловутую состязательность англосаксонского типа, с четким разграничением «функциональных» субъектов уголовного судопроизводства на суд, участников со стороны обвинения и участников со стороны защиты [3, с. 372; 11, с. 155]. Кстати, весьма примечательно, что в науке гражданского процесса подобные идеи появились гораздо раньше и укоренились значительно глубже.

Существует и еще один, как бы интегративный подход к пониманию уголовно-процессуального доказывания. В монографиях, статьях и прочих публикациях достаточно большой группы ученых доказывание рассматривается наиболее широко – как некий комплексный феномен. В содержание этой деятельности включались и продолжают включаться как познавательные (познавательно-удостоверительные), так и аргументационно-логические, в том числе риторические компоненты [1, с. 60; 12, с. 32–33; 16, с. 299]. Схожие воззрения можно встретить в отдельных публикациях гражданско-процессуальной и арбитражно-процессуальной направленности.

Вследствие отсутствия общепризнанного доктринального подхода к сущности уголовно-процессуального доказывания, ввиду бытования нескольких базовых научных концептов и множества вариативных точек зрения о смысле, предназначении, субъектах и содержании этого «увлекательного» процессуального занятия проявляющие к нему интерес ученые закономерно сталкиваются (просто не могут не сталкиваться!) с вполне очевидными трудностями. Всякому желающему внести посильную лепту в разрешение ряда извечных проблем теории, нормативного регулирования и практики доказывания приходится уделять определенное внимание всем, по крайней мере наиболее авторитетным либо оригинальным научным взглядам, пытаться «улавливать их логику», то есть распознавать используемые для их обоснования доводы и аргументы, сравнивать их между собой, оценивать их достоинства, недостатки и т.д. Но, как представляется, существует гораздо более надежный и эффективный путь – попытаться разобратся с имеющимся многообразием базовых идей и вариативных точек зрения о сущности

доказывания, исходя из его очевидной и неременной подчиненности возникшим и существующим вне зависимости от позитивного правотворчества законам и закономерностям психофизиологического взаимодействия людей с окружающей реальностью: восприятия и умственной трансформации полезных сведений, логического мышления и прочих «естественных» процессов, сопутствующих установлению имеющих значение для уголовного дела обстоятельств и обоснованию соответствующих правоприменительных решений. Именно такие законы и закономерности видятся единственно приемлемыми методологическими опорами для формирования новых и развития имеющихся постулатов теории уголовно-процессуального доказывания, совершенствования на их основе соответствующих положений законодательства и оптимизации прикладных рекомендаций. Причем эти законы и закономерности являются едиными для самых различных сфер человеческой жизнедеятельности. Думается, что их работу можно наблюдать и в «макросреде» – в ходе изучения и уразумения «крупных» событий и явлений, например, принципов существования природы, устройства социума, формирования общественного мнения, и в «микросреде» – при реконструкции единичных фрагментов окружающей реальности, в том числе различных юридических фактов криминального характера: места, времени, места, способа преступления, виновности лица в его совершении и пр.

И в этой связи отождествление уголовно-процессуального доказывания исключительно с познанием (с познанием–удостоверением), то есть ограничение его содержания лишь совокупностью когнитивных приемов, сводящихся к восприятию, осмыслению и уразумению подлежащих накоплению полезных сведений, начитает представляться вовсе не бесспорным. Данный подход видится далеко не таким незыблемым, каковым, по всей вероятности, казался В. П. Божьеву, П. А. Лупинской, А. А. Хмырову, другим известным авторам, далеко не таким приемлемым для официального признания, каковым, скорее всего, кажется многим современным ученым-процессуалистам.

Очевидные недостатки подобного понимания доказывания становятся хорошо заметными на фоне субъективности когнитивной деятельности, в том числе неспособности лю-

дей к точному определению «коэффициента мысленного искажения» воспринимаемых ими сведений. К тому же уголовному судопроизводству вообще преимущественно свойственна опосредованность познания, обусловленная ретроспективностью (нахождением в прошлом) основного массива подлежащих установлению (доказыванию) обстоятельств, в первую очередь обстоятельств, входящих в содержание так называемого «главного факта» – события преступления, виновности лица и т.п. В силу вполне понятных причин время реального существования подавляющего большинства таких обстоятельств предшествует времени их установления судами, органами предварительного расследования, другими субъектами уголовно-процессуального доказывания, в связи с чем, их непосредственное познание в ходе уголовного судопроизводства представляется возможным лишь в достаточно редких случаях. Чаще всего подобные когнитивные задачи решаются посредством восприятия, осмысления, уразумения и сопоставления с «известными величинами» либо между собой сохранившихся «следов преступления». Поэтому следует признать разумность некогда предложенной А. А. Давлетовым формулы ретроспективного познания в уголовном судопроизводстве « $C \rightarrow O2 \leftrightarrow O1$ », основанной на понимании «С» как субъекта процессуального познания, «O1» – как преступления либо иного явления, находившегося (находящегося) вне зоны непосредственного (личного) восприятия субъекта познания, а «O2» – как носителей «следов преступления» [4, с. 23].

Разумеется, что ретроспективность уголовно-процессуального познания вовсе не подразумевает некоей абсолютности, стопроцентности, всеобъемлемости. Сотрудникам органов дознания, предварительного следствия, прокурорам, адвокатам, судьям, иным участвующим в уголовных делах лицам, напротив, нередко приходится сталкиваться с потребностью в установлении каких-либо совпадающих по времени с производством по уголовному делу обстоятельств (обстоятельств настоящего), например, нахождения на иждивении у лица несовершеннолетних детей, его прежней судимости и т.д. В посвященных проблематике доказывания публикациях о таких обстоятельствах обычно говорится как о «возникших до процесса, вне процесса, но продолжающих существовать во

время процесса» [8, с. 15]. Более того, в ряде случаев даже возникает потребность в прогнозировании будущего – как правило, обстоятельств, обуславливающих возможность и целесообразность заключения лица под стражу либо под домашний арест, применения к нему залога либо запрета определенных действий. Однако средствами установления подобных обстоятельств зачастую тоже служат следы-отображения (следы в широком смысле), в первую очередь документальные отражения реальности: различные справки, выписки, характеристики, копии судебных актов и т.д. – все это с уверенностью можно расценивать как очередное подтверждение тезиса о наибольшей востребованности для нужд уголовной юстиции именно опосредованных познавательных приемов и технологий.

Другими словами, субъектам уголовно-процессуального доказывания свойственно не столько наблюдать подлежащие установлению (доказыванию) обстоятельства, не столько воспринимать их в «режиме реального времени», сколько уразумевать их посредством мысленной реконструкции, воссоздания в своем воображении при помощи осуществления разнообразных аналитических операций и выведения соответствующих умозаключений. И таким образом, ни профессиональные судьи, ни присяжные заседатели, ни должностные лица органов предварительного расследования, ни прокуроры, ни адвокаты, ни прочие причастные к доказыванию лица просто не способны решать стоящие перед ними задачи, обходясь лишь «голыми» результатами опосредованного познания и не прибегая к помощи «инструментов» логического мышления, к умственной генерации накапливаемых сведений, к формулированию предопределенных ими (сведениями) выводов. Именно эти выводы, будучи «внутренними» источниками новых знаний о «главных фактах» и прочих подлежащих установлению обстоятельствах, сами по себе либо в совокупности с другими выводами уготованы к превращению в процессуальные позиции, позволяющие формулировать правоприменительные решения либо пытаться оказывать посильное влияние на характер и содержание таких решений путем заявления ходатайств, подачи жалоб, внесения представлений, выступления в судебных заседаниях и т.п.

Вместе с тем для справедливости все же стоит заострить внимание на некоторых зна-

чимых для уголовной юстиции обстоятельствах, предрасположенных к непосредственной когниции, к «прямому» восприятию: «С→О» [4, с. 23] и, таким образом, не нуждающихся в логическом выведении посредством умственной генерации сведений о материальных либо идеальных следах-отображениях (следах в широком смысле). Одновременно следует заявить о несогласии с взглядами ученых-процессуалистов, не признающих подобных когнитивных возможностей – полностью исключающих какие-либо способы непосредственного восприятия субъектами-познавателями, в первую очередь дознавателями, следователями, прокурорами и судьями отдельных фрагментов предмета доказывания [18, с. 16–18]. Например, в известной монографии В. Я. Лившица упоминается, по крайней мере, о четырех вариациях таких обстоятельств: 1) о телесных повреждениях, сгоревших строениях и прочих материальных последствиях криминальных; 2) о предметах противоправных посягательств; в) о местах их совершения; г) о некоторых признаках, характеризующих личности обвиняемых либо потерпевших [9, с. 18–19]. Схожей точки зрения придерживалась П. А. Лупинская. В целом признавая опосредованность уголовно-процессуального познания, она не забывала и о некоторых исключениях – о фактах, подлежащих «прямому» судебному или следственному восприятию. В числе таковых назывались обезображенная внешность потерпевшего, испорченное произведение живописи, последствия пожара и т.п. [7, с. 606].

Но предрасположенность ряда фрагментов предмета доказывания к непосредственной когниции вовсе не исключает надобности в дальнейшем проведении аргументационно-логических приемов и операций, завершаемых соответствующими умозаключениями. Конечно, вследствие столь продуктивных возможностей восприятия значимых для уголовного дела обстоятельств в натуральном виде роль данных приемов, операций и умозаключений заметно снижена. По крайней мере, никакие мыслительные реконструкции для установления подобных обстоятельств явно не требуются. Однако сама природа осуществляемой в отношении них познавательной деятельности остается неизменной, в том числе сохраняющей неопределенность «коэффициента мысленного искажения» воспринимаемых сведений, а ее результаты – предпо-

лагающими высокую степень субъективизма и, таким образом, несмотря ни на что, требующими должного обдумывания и осмысления.

Ведь в итоге многолетних изысканий в области гносеологии, психологии, психофизиологии и даже нейропсихологии существовавшие ранее представления о человеческом познании как о чем-то сугубо объективном, как о точном отражении реальности удостоились весьма скептических оценок, оказались развенчанными, по крайней мере, подверженными большим сомнениям. В частности постепенно стали пересматриваться некогда господствующие взгляды известных мыслителей Нового и Новейшего времени, в том числе крупных советских философов, аллегрически сравнивавших возникающие в результате функционирования познавательных механизмов мысленные образы с точными копиями, зеркальными отражениями, «фото-снимками» перцепируемых, то есть воспринимаемых, предметов, устной либо письменной речи и т.д. Так, еще в начале прошлого века известный германский философ Э. Кассирер, согласившись с позицией другого немца – физиолога Г. Гельмгольца, полностью исключил саму возможность стопроцентной убежденности разумных людей в абсолютной идентичности каких-либо объектов познания с возникающими в их сознании мысленными образами. В дальнейшем схожих взглядов стали придерживаться другие известные западные ученые; близкие позиции можно встретить и в отечественной философской литературе второй половины XX века. И в этой связи в публикациях автора настоящей статьи уже неоднократно говорилось о неприемлемости понимания когнитивных продуктов познавательной деятельности субъектов доказывания – тех самых мысленных образов – как абсолютно точных воплощений реальности. Их предлагалось считать лишь относительно адекватными отображениями объектов уголовно-процессуального познания, предполагающими потребность в дальнейшем осмыслении, в уразумении степени тождества с «первоисточниками», то есть подлежащими последующей умственной обработке, сводящейся к очередным аргументационно-логическим приемам, операциям, выводам [15, с. 357].

Правда, в силу врожденных аналитических способностей и развитых мыслительных

навыков любому нормальному человеку, в том числе субъекту доказывания, свойственно выполнять подобные приемы, операции и выводить соответствующие умозаключения практически молниеносно, за считанные доли секунды, особо не осознавая их бытия, характера и содержания. Вместе с тем не признавать их неоценимой роли в решении возникающих перед органами предварительного расследования, судами, иными субъектами уголовно-процессуального доказывания когнитивных задач – значит, попросту отрицать данное человечеству «свыше», то есть спорить с самой природой.

Таким образом, широко распространенный в уголовно-процессуальной доктрине, прямо или косвенно исповедуемый в большом количестве публикаций когнитивный подход к пониманию доказывания не может быть признан абсолютно верным, а точнее универсальным, всеобъемлющим, охватывающим все без исключения компоненты деятельности, направленной на установление имеющих значение для уголовных дел обстоятельств и обоснование соответствующих правоприменительных актов. Уголовно-процессуальное доказывание нельзя сводить к одному лишь судебному, следственно-дознавательскому либо иному познанию, считать его не более чем формой когниции различных фрагментов окружающей реальности – в противном случае судьи, прокуроры, сотрудники органов предварительного расследования, судебные эксперты просто не смогут выполнять возложенные на них функции, а обвиняемые, защитники, потерпевшие, прочие «заинтересо-

ванные» участники уголовного судопроизводства – полноценно пользоваться предоставленными правовыми возможностями. И в этой связи наиболее приемлемым для использования в доктрине, правотворчестве и правоприменительной практике представляется упомянутый выше интегративный подход, предполагающий комплексный характер, то есть включение в содержание уголовно-процессуального доказывания как познавательных (познавательно-удостоверительных) приемов, так и различных аргументационно-логических операций.

Однако в завершении настоящей статьи все же необходимо обратить внимание на некоторую условность используемой автором, равно как и другими учеными, доктринально-правовой терминологии, в первую очередь позаимствованных у «старшего брата» – у философского сообщества – достаточно неопределенных и многозначных (!) терминов «познание» и «доказывание». В этом усматривается достаточно весомая, хотя и не единственная причина, повлиявшая на возникновение разных подходов к, казалось бы, очевидным правовым категориям. Поэтому одно из важнейших направлений дальнейшего развития теории уголовно-процессуального доказывания и доказательственного права видится в непременной, хотя и, увы, труднодостижимой унификации используемого понятийного аппарата, в достижении неких незыблемых договоренностей о смысле и значении подлежащих единообразному употреблению слов и словосочетаний.

Список источников

1. Балакшин В. С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания. Екатеринбург: ООО «Издательство учебно-методического центра Уральского политехнического института», 2004. 298 с.
2. Божьев В. П. Основные вопросы советского уголовного процесса. М: Академия МВД СССР, 1978. 97 с.
3. Боруленков Ю. П. Юридическое познание, доказательство и доказывание. М.: Юрлитинформ, 2016. 536 с.
4. Давлетов А. А. Основы уголовно-процессуального познания. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 1997. 190 с.
5. Кокорев Л. Д., Кузнецов Н. П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж: Воронежский государственный университет, 1995. 268 с.
6. Копьева А. Н. Доказывание по уголовным делам в вышестоящем суде. Иркутск: Иркутский государственный университет, 1990. 191 с.
7. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А. Д. Бойкова, И. И. Карпеца. М.: Юридическая литература, 1989. 640 с.

8. Курылев С. В. Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск: Белорусский государственный университет, 1969. 203 с.
9. Лившиц В. Я. Принцип непосредственности в советском уголовном процессе. М.–Л., 1949. 208 с.
10. Лупинская П. А. Доказывание в советском уголовном процессе. М.: Всесоюзный заочный юридический институт, 1966. 102 с.
11. Машовец А. А. Доказывание уголовного иска в состязательном судопроизводстве // Общество и право. 2013. № 2 (44). С. 154–158.
12. Орлов Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М.: Юристъ, 2009. 174 с.
13. Петуховский А. А. Проблемы доказывания в уголовном процессе. М.: Московский государственный областной университет, 2009. 113 с.
14. Победкин А. В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании. М.: Московский университет МВД России, 2005. 420 с.
15. Россинский С. Б. К вопросу о развитии теории доказательств в уголовном процессе // Российский криминологический взгляд. 2013. № 3. С. 354–365.
16. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. Т. 1. 470 с.
17. Трусов А. И. Основы теории судебных доказательств. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1960. 176 с.
18. Фаткуллин Ф. Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Казань: Казанский государственный университет имени В. И. Ульянова-Ленина, 1976. 206 с.
19. Хмыров А. А. Проблемы теории доказывания. Краснодар: Кубанский государственный университет, 1996. 156 с.

References

1. Balakshin V. S. *Dokazatel'stva v teorii i praktike ugolovno-protsessual'nogo dokazyvaniya* [Evidence in the theory and practice of criminal procedure evidence]. Ekaterinburg, 2004, 298 p.
2. Bozh'ev V. P. *Osnovnye voprosy sovetskogo ugolovnogo protsessa* [The main issues of the Soviet criminal procedure]. Moscow, 1978, 97 p.
3. Borulenkova Yu. P. *Yuridicheskoe poznanie, dokazatel'stvo i dokazyvanie* [Legal knowledge, proof and evidence]. Moscow, 2016, 536 p.
4. Davletov A. A. *Osnovy ugolovno-protsessual'nogo poznaniya* [Fundamentals of criminal-procedural knowledge]. Ekaterinburg, 1997, 190 p.
5. Kokorev L. D., Kuznetsov N. P. *Ugolovnyy protsess: dokazatel'stva i dokazyvanie* [Criminal process: proofs evidence and evidence]. Voronezh, 1995, 268 p.
6. Kop'eva A. N. *Dokazyvanie po ugolovnym delam v vysshestoyashchem sude* [Criminal procedural evidence in a higher court]. Irkutsk, 1990, 191 p.
7. Boykov A. D., Karpets I. I. *Kurs sovetskogo ugolovnogo processa. Obshchaya chast'* [Soviet criminal process: course. General part]. Moscow, 1989, 640 p.
8. Kurylev S. V. *Osnovy teorii dokazyvaniya v sovetskom pravosudii* [Fundamentals of the theory of evidence in soviet law]. Minsk, 1969, 203 p.
9. Livshits V. Ya. *Princip neposredstvennosti v sovetskom ugolovnom processe* [Principle of in-justice in soviet criminal proceedings]. Moscow–Leningrad, 1949, 208 p.
10. Lupinskaya P. A. *Dokazyvanie v sovetskom ugolovnom processe* [Evidence in soviet criminal proceedings]. Moscow, 1966, 102 p.
11. Mashovets A. A. [Proof of a criminal claim in a sostyazatel'nom sudoproizvodstve]. *Obshchestvo i pravo* [Society and law], 2013, no. 2 (44), pp. 154–158 (in Russ.).
12. Orlov Yu. K. *Problemy teorii dokazatel'stv v ugolovnom processe* [Problems of the theory of evidence in criminal proceedings]. Moscow, 2009. 174 p.
13. Petukhovskiy A. A. *Problemy dokazyvaniya v ugolovnom processe* [Problems of proof in criminal proceedings]. Moscow, 2009, 113 p.
14. Pobedkin A. V. *Problemy dokazyvaniya v ugolovnom processe* [Problems of proof in criminal proceedings]. Moscow, 2009, 113 p.

15. Rossinskij S. B. [To the issue of developing a theory of evidence in criminal proceedings]. *Rossiiskij kriminologicheskij vzglyad [Russian criminal review]*. 2013, no. 3, pp. 354–365 (in Russ.).
16. Strogovich M. S. *Kurs sovetskogo ugovalnogo processa* [Course of Soviet Criminal Procedure]. Moscow, 1968, Vol. 1, 470 p.
17. Trusov A. I. *Osnovy teorii sudebnyh dokazatel'stv* [Fundamentals of the Theory of Judicial Evidence]. Moscow, 1960, 176 p.
18. Fatkullin F. N. *Obshchie problemy processual'nogo dokazyvaniya* [General Problems of Procedural Evidence]. Kazan, 1976, 206 p.
19. Нмыров А. А. *Problemy teorii dokazyvaniya* [Problems of the Theory of Evidence]. Krasnodar, 1996, 156 p.

Информация об авторе

Россинский Сергей Борисович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия.

Information about the author

Sergey B. Rossinskiy, Doctor of Laws, professor, chief researcher of the sector of criminal law, criminal procedure and criminology, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию 10 мая 2025 г.

Received May 10, 2025.